

ИТАК, Ножкин Михаил Иванович, собственной персоной, о времени и о себе.

— Мне всегда было забавно, а примеров такой забавы каждый день по тринадцать на дюжину, как творческие люди как бы не знают, чем заниматься, о чем писать...

Выйди на улицу и пройди по центру Москвы, по деревне пройди, в рабочем поселке побывай. Если ты нормальный человек, у тебя будет сто тем сразу, потому что художник обязан, обязан жить интересами своей страны, своего народа, к которому мы имеем честь принадлежать. Это обязанность — говорить о том, писать о том, что волнует его соплеменников. Если это ему дано... А другому дано сеять хлеб для них, а третий гайки крутит, а четвертый водит машины, пятый лечит, шестой учит, седьмой... ворует. Распределение обязанностей, естественных...

Поэтому художник должен жить интересами народа, хочет он того или не хочет. Популярность — это ответственность. Это твоя власть. Есть определенное число людей, которые берут с тебя пример, которым ты пришелся по душе, и ты участвуешь в формировании их мировоззрения, они на тебя в чем-то равняются, ты отвечаешь за них.

Как и во власти. Ты пришел во власть, чтобы служить интересам страны, а не воровать. Ответственность ты берешь на себя. Я же не иду в министерства, а ты пошел в министерства, ты взял ответственность за судьбы миллионов людей... И ты не объясняй мне, почему ты не можешь наладить в стране положение. Или ты налаживай положение, экономику, или катись к такой-то матери! Другой придет, кто умеет. Ты не объясняй: дефолт, муфолт, МВФ, цены на нефть — это твои проблемы, ты взялся их решать. Взаясь! Или не берись, скажи: «Я не умею»... А они берутся, все кому не лень.

Главная проблема — это отсутствие совести у власти. Там есть отдельные, просачиваются, с совестью, но они там долго не задерживаются, как история показывает. Достаточно вспомнить Глазьева Сережу. Взял и ушел из правительства — не вписался в команду.

А в мировом масштабе (помните, Петяка спрашивал у Василия Ивановича?) главная проблема — дебилизация планеты.

Я в свое время объехал десятки стран по разным поводам, и там процесс этот, оскотинивания, начался давно, в 60-е годы, с развитием техники. Я был свидетелем. Тридцать лет назад уж точно была вся эта ахинея — разведения, стриптизы, бесстыдство, наркота и многое другое. Притупизация общества. Сейчас ее перекрыла дебилизация. Наркотики стало больше, пустоты...

А политики... Вы посмотрите, чем они занимают: кто кому платить будет, кто кем командовать, кто чьи интересы представляет... При всех достижениях — жалкое зрелище! Потому что для чего эти достижения прекрасные?.. По телевидению покажете? А что по телевидению сейчас идет? Какие-то дурацкие карусели, кабаре, порнуха, чернуха — достижения цивилизации! Смысл-то какой? Во имя чего? Во имя человека, напрашивается ответ, если человек уже не погиб... Если он развивается в своем духовном, интеллектуальном смысле, нравственном — это очень важно. А вот если он продолжает жить и опускаться в примитивно-дебильном разрезе...

Вслед за бледным монахом из обойденного всеобщим вниманием рассказа Антона Павловича Чехова «Без заглавия» в Центральном Доме кино, так напоминающем между службами опустевший монастырь, на галерее под мозаикой Леже, среди зарослей порубленной на куски и приготовленной к выносу гигантской новогодней елки, в канун Старого Нового года и я видел тигра.

Им был не игравший тигра Ножкин. Но это был тигр в образе человека.

Не верите — не надо. Посмотрите на портрет Вадима Рошина из многосерийного «Хождения по мукам», Вадим у матери один... И хотя с 1977 года произошло новое поколение — существо в нем, как и следует у порядочных людей, не изменилось (а если бы изменилось, так это и не существо было бы, а так — дырка от бублика).

Ножкин из тех игроков, кто олицетворяет, кто вдыхает в игру жизнь, рождает характер и пожинает судьбу.

У подножия галереи Михаил Иванович столкнулся с бывшим заместителем директора «Мосфильма», а ныне, кажется, секретарем Союза кинематографистов с редкой фамилией Иванов...

— Ми-ша, сколько лет?!

— Скоро, между прочим, шестьдесят пять.

— Батюшки!..

«Видишь, как они реагируют на меня... — заметил Ножкин, когда ноги привычного рысью понесли его дальше от места неожиданной встречи. — А почему? Потому что я никогда у них ничего не просил и никогда ни перед кем не прогибался!.. Задавай вопросы, — сказал он, когда мы нашли уединенное место на галерее, — а я скажу, интересно мне отвечать на них или нет».

На сакраментальный вопрос классической русской литературы XIX века «Детство, отрочество, юность» он ответил:

молотых. Их безграмотность узаконить, а все грамотные пусть окажутся неучами.

Не трогайте! Если делать нечего — бери лопату, иди убирай мусор, снег убирай... Усовершенствователи! Реформаторы! Все дореформировали — страну, географию... И вот, значит, теперь за язык взялись.

Диверсия против русской цивилизации, против каждого из нас и против государства в целом. Я бы на месте Путина собрал Совет безопасности по русскому языку. Это грозит безопасности России.

Все конфликты — обратите внимание, Прибалтика, Закавказье, Молдавия — начались с ревизии русского языка, и до сих пор они не могут разрешиться.

А человек, говорящий на русском языке в России, он по-русски думает, по-русски действует, по-русски соотносится со всеми вокруг, по-русски живет, работает, заботится о своей Родине, защищая ее детей, русский стиль, русскую философию... И тогда он соответствует и этой русской территории, и русской цивилизации, частью которой он является.

Недавно господин премьер, забыл фамилию... Ну такой самодовольный парень...

В V веке, как и теперь, каждое утро вставало солнце и каждый вечер оно ложилось спать... День походил на день, ночь на ночь. Изредка набегала туча и сердито гремел гром, или падала с неба звезда, или пробежал бледный монах и рассказывал братии, что недалеко от монастыря он видел тигра — и только, а потом опять день походил на день, ночь на ночь.

Во, хорош премьер... не можем вспомнить... ну такой... сейчас наш, нынешний, «инпузантный»... Касьянов! Месяца два-три назад по телевидению показали очередную реформу школы, и он сказал, реформатор тоже: «Поддерживаю школу с особым упором на изучение английского языка».

Я как сидел, так и не знал: падать или взлетать... Премьер говорит не о престижной роли русского языка, который они сами не помнят, не знают, а страна и тем более... Нет, поддерживает английский язык.

Почему английский?.. Между прочим, еще и французский язык есть, испанский, итальянский, китайский даже. Арабский надо учить, потому что двуязычие было когда-то в России тоже, тем более арабский... Это огромная цивилизация, всегда дружно жили. Нет, английский!

Язык — это же мысль! Но я понимаю и другое: придет хозяин на завод, даст команду, а русские его не поймут... рабы, то есть рабочие.

Ну смысл-то какой? Английский нужен? Нужен. Так же, как и еврейский, китайский, японский, арабский... Но первый, первый язык — русский!

Вот если бы во Франции, или в Америке, или в Англии, или в какой-нибудь Намибии — где угодно — премьер сказал бы: «...с особым упором на изучение русского языка», его бы тут же ногами вперед и вынесли! Сказали бы: «Ты чего? Кого ты здесь представляешь-то?»... А это философия. Это же не выдумки...

Мы с вами начали говорить об искусстве, литературе, кино, теле... Все мимо пройдет! Все пролетит! Никому не нужно будет! Никто не поймет друг друга, если так будет продолжаться.

«Не интересно, отвечено тут переотвечено...» На предложение прокомментировать последнее напечатанное слово Солженицына о том, что «немошнее нас не вообразить народа», подал реплику: «Сельский учитель...»

— Ну подождите... у его «слова» есть еще один заголовок: «За 2—3 коротких дня 1991 года были обесмыслены несколько веков русской истории».

— Сначала сам все разрушил, — поперхнулся этим словом Михаил Иванович, — а теперь ищет смысла в русской истории...

— Тогда сдаюсь.

— А вот сдаваться никогда не надо!..

**— В извечной смене
Смертей и рождений
Я — океан,
И зыбь развития,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству.**

Фауст. Ночь. Дух. «Тогда вопрос еще интересней...» — как говаривал любезный нашему сердцу Василий Макарович Шукшин: «Куда ж нам плыть?»

— Вот это, пожалуй, единственный вопрос, на который мне сегодня интересно отвечать.

Наконец-то мое слово о Михаиле Ножкине стало обретать зримые черты творческого метода Якова Протазанова, который подходил к актеру в кадре, касался его своей дирижерской палочкой и, совершая ею монотонные движения маятника, возвышая голос, говорил: «Энергиш, энергиш, энергиш, мотор!»

Никому не нужны будут ни Пушкин, ни Достоевский... никто их не поймет. Изменимся. На четвереньки встанем без русского языка. Или будем рабами, будем колдобить и в страхе оглядываться на хозяина.

И еще одна боль... одна тема. Это не тема даже, а как развитие... Ведь все взаимосвязано.

Все политики, и особенно перед выборами, мелют чушь собачью... Программа у всех хорошая. Бомж за три бутылки такую программу напишет...

Сейчас личность нужна!

Возрождение завтрашней России — это не программа политиков. Не наши пожелания. Наша завтрашняя Россия, завтрашняя, реальная, — это наши внуки, наши дети. Вот какими они будут — такой и будет Россия. Ни больше ни меньше. Все остальное от лукавого.

Поэтому, если мы говорим про завтрашнюю Россию, общество должно сосредоточить внимание на переднем крае обороны: школа прежде всего! Потому что семья в основном развалина, а учителям, как и многим людям сейчас, просто нечего есть, нечего надеть, они как подвижники великие!

Учитель не только учит читать-писать, но своим примером учит жить. А он должен быть прежде всего сыт и не должен угодничать.

Россия держалась на трех китах: врач, учитель, священник.

Священник — это духовное здоровье врач — физическое здоровье, а учитель — это здоровье интеллектуальное.

Поэтому программа главная, государственная — это молодая Россия: дети, будущее народонаселение, забота о старших, рабочая сила, передача интеллектуальных возможностей будущим поколениям. Все — язык, привычки, культура, созидание. Это оборона...

ГОСУДАРСТВО у нас было, при всех минусах, мощное, крепкое. Лучшая система образования, здравоохранения, социального обеспечения, огромная индустриальная база... А куда все делось? Молодежь должна знать! Такая огромная цивилизация у них только была!..

Ее разрушили. Принципиально неправильно настаивать: не развалился Союз, а развалили! И если одна буква меняется — меняется смысл. А если развалили — то другая отправная точка исправления ошибок... Кто развалил? Зачем развалил? И как исправлять? И где эти люди, которые развалили страну? И с какой целью?

А то, что было в Советском Союзе лучшее, — Запад и Восток взяли себе! Ищите наш социализм в Японии, Дании, Норвегии, Финляндии...

Я вдруг подумал: пока я тут с вами разлагольствую, наш лесоруб рубит лес в надежде загнать его за бугор за большие деньги...

Можно срубить все леса, но тебе же, дураку, самому потом нечем будет дышать!.. А ведь я когда-то писал стихи и этому лесорубу:

**И как заповедь самая главная
Две святости в душе у меня —
Это мать моя, Родина славная,
И Народ мой, большая родня!**

Юрий ПОЛЕНОВ-КОРШАК.

● Михаил Ножкин в роли Вадима Рошина (кадр из фильма «Хождение по мукам»).

Фото из архива Михаила Ножкина.

Ножкин Михаил Иванович. 23.10.02